

Территориальное самоопределение магаданских студентов на разных этапах обучения в вузе

Кузнецова С.А.

НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа»,

г. Москва, Российская Федерация

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2327-9775>, e-mail: snejana.mgdn@mail.ru

Цель. *Определение динамики взаимосвязи территориального самоопределения личности с совладающими и ценностно-смысловыми механизмами регуляции социального поведения у студентов.*

Контекст и актуальность. *В социально-психологических исследованиях миграции понятие территориального самоопределения практически не используется, хотя может оказаться продуктивным для систематизации исследований в области социальной психологии миграции, социальной психологии личности и развития и постановки новых гипотез. В статье поставлена проблема территориального самоопределения на разных этапах личностного развития.*

Дизайн исследования. *Сравнивалась взаимосвязь миграционных намерений и установок со смысложизненными ориентациями и копинг-стратегиями у студентов 1 и 5 курсов. Использовались коэффициент ранговой корреляции r -Спирмена, критерий U -Манна—Уитни, критерий φ^* -угловое преобразование Фишера.*

Участники. *59 первокурсников и 87 пятикурсников Северо-Восточного государственного университета (г. Магадан), всего 146 человек.*

Методы (инструменты). *Анкета для изучения миграционных намерений, авторская шкала миграционных установок, тест смысложизненных ориентаций Д.А. Леонтьева, опросник совладания со стрессом COPE в адаптации Т.О. Гордеевой, Е.Н. Осина, Е.А. Рассказовой, О.А. Сычева, В.Ю. Шевяховой.*

Результаты. *Установлено, что по мере обучения в вузе изменяется место миграционных намерений и установок в системе регуляторов социального поведения личности. Для первокурсников более характерны связи миграционных намерений и установок со смысложизненными ориентациями, они выступают диспозициями высшего уровня, в масштабе жизненного пути. Для пятикурсников более характерны связи миграционных намерений и установок с копинг-стратегиями, они становятся регуляторами поведения в масштабе отдельных деятельностей.*

Выводы. *Миграционные намерения и установки могут выступать регуляторами социального поведения личности разного уровня в зависимости от масштаба деятельности личности на данном этапе ее развития и в зависимости от задач, решаемых личностью.*

Ключевые слова: *территориальное самоопределение, территориальная идентичность, механизмы регуляции социального поведения, миграционные намерения, миграционные установки, копинг-стратегии, смысложизненные ориентации.*

Финансирование. *Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 20-013-00579.*

Благодарности. *Автор благодарит И.Ю. Кузнецова за вклад в теоретическое осмысление результатов исследования.*

Для цитаты: Кузнецова С.А. Территориальное самоопределение магаданских студентов на разных этапах обучения в вузе // Социальная психология и общество. 2020. Том 11. № 4. С. 182–197. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2020110413>

Territorial Self-Determination of Magadan Students at Different Stages of Education in the University

Snezhana A. Kuznetsova

«Moscow Institute of Psychoanalysis», Moscow, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2327-9775>, e-mail: snejana.mgdn@mail.ru

Objectives. *Determination of dynamics of correlation of territorial self-determination of the person with coping and value-semantic mechanisms of regulation of social behavior in students.*

Background. *In social-psychological studies of migration, the concept of territorial self-determination is practically not used, although it may be productive for systematizing existing research in the field of social psychology of migration, social psychology of personality and development, and setting new hypotheses. The article deals with the problem of territorial self-determination at different stages of personal development.*

Study design. *We studied the difference between the correlation of migration intentions and attitudes with life orientations and coping in students of 1st and 5th years: we used the R-Spearman rank correlation coefficient, the U-Mann-Whitney criterion, and the ϕ^* -Fisher angular transformation criterion.*

Participants. *59 first-year students and 87 fifth-year students of North-Eastern state University (Magadan), a total of 146 people.*

Measurements. *Questionnaire for studying migration intentions, author's scale of migration attitudes, test of life orientations by D.A. Leontiev, questionnaire of coping with stress COPE in adaptation by T.O. Gordeeva, etc.*

Results. *It is established that as the University studies, the place of migration intentions and attitudes changes in the system of regulators of social behavior of the person. For first-year students, the correlation of migration intentions and attitudes with life orientations are more typical; they act as dispositions of the highest level, on the scale of the life path. Fifth-year students are more likely to associate migration intentions and attitudes with coping strategies, and they become regulators of behavior on the scale of activities.*

Conclusions. *Migration intentions and attitudes can act as regulators of social behavior of a person at different levels, depending on the scale of the individual's activity at this stage of its development and depending on the tasks solved by the person.*

Keywords: *territorial self-determination, territorial identity, mechanisms for the regulation of social behavior, migration intentions, migration attitudes, coping strategies, meaningful orientations.*

Funding. The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 20-013-00579.

Acknowledgements. The author thanks I.Yu. Kuznetsov for his contribution to the theoretical understanding of the research results.

For citation: Kuznetsova S.A. Territorial Self-Determination of Magadan Students at Different Stages of Education in the University. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2020. Vol. 11, no. 4, pp. 182–197. DOI:<https://doi.org/10.17759/sps.2020110413> (In Russ.).

Введение

Юридическое понятие «право на территориальное самоопределение» введено в научный оборот сравнительно недавно. Его содержание составляют конституционно закрепленные права на свободу передвижения, выбор места пребывания, места жительства, на выезд, право на возвращение граждан Российской Федерации и т.д. [24]. Актуальность территориального самоопределения для жителей России обусловлена ее обширными территориями, разнообразием природно-климатических и социокультурных условий, неравномерностью развития экономики. Проблема смены места жительства особенно актуальна для жителей Северо-Востока России в связи со сложными климатическими условиями, удаленностью от центральных районов страны, недостаточным качеством жизни и т.д. Начиная с экономических реформ 90-х годов прошлого века резко усилился и, несмотря на принимаемые правительством меры, не прекращается миграционный отток населения с этих территорий. Однако в социально-психологических исследованиях по теме миграции понятие территориального самоопределения практически не используется, хотя такое обобщающее понятие может оказаться продуктивным для систематизации существующих исследований в области социальной психологии миграции, психологии личности и психологии развития и постановки новых гипотез.

В социально-психологических и социологических исследованиях используются близкие понятия: территориальная и региональная идентичность как разновидности социальной идентичности [6; 17; 21; 22; 23; 25 и др.]. Н.А. Шматко и Л.Ю. Качанов определяют территориальную идентичность как «отношение

образа Я к структуре интериоризованных образов территориальных общностей» [25, с. 94].

В качестве существенных механизмов ее становления называются личностный смысл территории, а также сравнение территорий, процессы идентификации и дифференциации. С одной стороны, по мнению авторов, система личностных смыслов территорий имеет деятельностную природу, с другой — является знакомым прообразом пространства деятельностей, то есть основой для подготовки практических стратегий субъекта [25, с. 97–98]. По мнению И.С. Самошкиной [21], центральное положение в территориальной идентичности занимает идентификация с местом проживания, которая структурируется по трем параметрам: когнитивному, аффективному и ценностному. Другое ее проявление — территориальное поведение. Нужно отметить, что авторы изучали территориальную идентичность в относительно стабильных с миграционной точки зрения местах.

Территориальное самоопределение может рассматриваться в качестве аспекта личностного самоопределения [10]. И.Ю. Кузнецов обосновал три сферы, в которых протекает процесс самоопределения: деятельность, личность, социальное окружение [10]. Предполагаем, что понятие территориальной идентичности отражает социальный аспект территориального самоопределения («отношение образа Я к структуре интериоризованных образов различных территориальных общностей») [25, с. 94]. Система личностных смыслов территорий имеет отношение к системе мотивов, целей и ценностей личности, то есть отражает деятельностный и личностный аспекты территориального самоопределения. Последний из них имеет отношение к ценностно-смысловой системе человека.

Отсюда следует, что территориальная идентичность, являясь одним из регуляторов территориального поведения, не может определять его напрямую. Так, например, социальный, деятельностный и личностный аспекты территориального самоопределения могут друг другу противоречить. У жителей Северо-Востока России нередки случаи амбивалентного территориального самоопределения, например, позитивная территориальная идентичность при высоких миграционных намерениях или уже совершенном переезде [10].

Действительно, территория представляет собой условие жизни, деятельности и самореализации, связана с системой отношений личности. Часть потребностей, мотивов, целей и ценностей может быть удовлетворена, а часть — фрустрирована в связи с условиями места жительства. Можно предположить, что в зависимости от уровня проблемы (локализуется ли она, по оценке субъекта, в отдельной деятельности или в контексте жизненного пути в целом) включаются либо совладающие, либо ценностно-смысловые механизмы регуляции поведения.

Результатами территориального самоопределения являются миграционные намерения и установки [11]. Понятие «миграционное намерение» применяется в социологических исследованиях. Используются вопросы анкет о желании (намерении) переехать. Однако за ответом на такой вопрос может стоять очень разное психологическое содержание: от ничем не обоснованных фантазий о переезде до полностью продуманного и подготовленного решения. Для дифференцированного психологического анализа миграционных намерений мы используем понятие миграционной установки как разновидности социальных установок. Их спецификой, на наш взгляд, является

ся полиобъектность — объектом является система, состоящая из реального и потенциальных мест жительства, которые субъект сравнивает на основе своих потребностей, целей и ценностей. Согласно структуре установочной системы М.Р. Занна и Дж. Ремпель (М.Р. Zanna и J.K. Rempel) [29], миграционная установка включает в себя когнитивный, аффективный, интенциональный и поведенческий компоненты по отношению к реальному и потенциальному местам жительства. Мы предполагаем, что в свернутом виде сравнение объекта установки включено в структуру любого аттитюда, однако в случае миграционной установки этот факт более ярко представлен в сознании субъекта. Это связано с тем, что миграционная установка регулирует территориальное поведение биографического масштаба, имеющего долгосрочные последствия, и в связи с этим она, по сравнению с другими аттитюдами, имеет более сложное строение. Мы считаем, что на формирование миграционной установки субъекта оказывает влияние семья или малая группа, и включаем эти аспекты в процедуру измерения общего уровня миграционной установки [12].

Итак, выше мы пришли к предположению о связи территориального самоопределения (и результатов — миграционных намерений и установок) с совладающими и ценностно-смысловыми механизмами саморегуляции. Поскольку процесс территориального самоопределения — один из аспектов личностного самоопределения, он должен активизироваться в критические периоды жизни и, в частности, в юношеском возрасте, когда самоопределение становится возрастным новообразованием личности [3]. Для наших предположений имеются теоретические основания в целом ряде работ по про-

блеме совладающего поведения (копинг-стратегий) [1; 2; 9; 16; 18; 27; 28 и др.]. Авторы работ приходят к выводам, что процесс возникновения стресса и выбора стратегий совладания определяется взаимодействием факторов личности (диспозиций) и типа ситуации [1; 2; 16; 26; 27; 28 и др.). При этом ситуация «может иметь различную значимость в масштабе жизненного пути субъекта, тяготеть как к поворотному событию (Live-event), так и к повседневности, привычкам обыденного существования (Everyday life)» [16]. Согласно концепции В.А. Ядова, характер ситуации определяет уровень используемых диспозиционных образований [20]. Но оценка ситуации зависит от субъективного восприятия, интерпретации [2; 27; 28]. По мнению Ф.Е. Василюка, острота и масштабность переживаемой критической ситуации не абсолютна; оценка ситуации зависит от простоты-сложности жизненного мира, личностной зрелости [4].

Несмотря на то, что совладание с трудной ситуацией зависит от представления субъекта о себе [1], проблема взаимосвязи Я-структур и стратегий совладания недостаточно разработана с социально-психологической точки зрения. Мы предполагаем, что процессы совладания могут иметь отношение к процессам самоопределения, которые активизируются в юношеском возрасте. С этим предположением перекликаются выводы исследователей о возрастной динамике копинг-стратегий [9; 16; 19]. Так, выявлено, что стиль копинг-стратегий активно формируется в юношеском возрасте, в том числе в совместной деятельности со взрослыми и сверстниками. В критические периоды развития также активно формируется смысловая регуляция. Смысловая (смысложизненная) регуляция позволяет выстраивать временную

перспективу, формируя образ желаемого будущего на основе лично значимых критериев [8; 15]. К.В. Карпинский [8] отмечает, что смысл жизни конституирует личностную и социальную идентичности личности. Таким образом, наше исследование посвящено проблеме территориального самоопределения на разных этапах личностного развития.

Цель исследования заключается в определении динамики взаимосвязи территориального самоопределения личности с совладающими и ценностно-смысловыми механизмами регуляции социального поведения у студентов.

Гипотеза: в процессе обучения в вузе изменяется характер связи миграционных намерений и установок со смысловыми ориентациями и копинг-стратегиями.

Программа исследования

Выборка: 59 студентов 1 курса и 87 студентов 5 курса разных факультетов Северо-Восточного государственного университета (г. Магадан), всего 146 человек, среди них 35% мужчин и 65% женщин.

Методы:

1. Анкета, включающая ряд вопросов о миграционных намерениях, в том числе открытых. Один из вопросов анкеты: «Хотели бы вы переехать из Магадана в другой регион на постоянное место жительства», варианты ответов: «да», «нет», «не уверен».

2. Авторская шкала миграционных установок [12], состоящая из 36 утверждений с 7-балльной рейтинговой шкалой. Позволяет оценивать общий уровень миграционной установки, миграционную установку самого субъекта, миграционные установки его близких, установки

(ожидания) близких людей в отношении миграционных установок субъекта. Пример утверждений когнитивного компонента: «Я думаю, что для реализации моих целей и ценностей лучшим местом является Магадан — я думаю, что для реализации моих целей и ценностей лучшим местом является другой город». Пример утверждений аффективного компонента: «Мне нравится жить в Магадане — мне больше понравилось бы жить в другом городе». Пример интенционального компонента: «Я никуда не хочу переезжать — я хочу переехать в другой город». Пример поведенческого компонента: «Я занимаюсь дальнейшим обустройством своей жизни в Магадане — я занимаюсь подготовкой к переезду». Также в методику включены три типа утверждений: 1) характеризующие компоненты установки самого респондента; 2) характеризующие компоненты миграционных установок близких, с точки зрения респондента; 3) установки близких людей в отношении миграционных установок субъекта. Примеры первого типа утверждений: «Я думаю, что для реализации моих целей и ценностей лучшим местом является Магадан — я думаю, что для реализации моих целей и ценностей лучшим местом является другой город». Пример утверждений второго типа: «Для реализации целей и ценностей близких мне людей лучшим местом является Магадан — для реализации целей и ценностей моих близких больше подходит не Магадан, а другой город». Пример третьего типа утверждений: «По мнению моих близких, для реализации моих целей и ценностей лучшим местом является Магадан — по мнению моих близких, для реализации моих целей и ценностей лучшим местом является другой город».

3. Тест смысложизненных ориентаций СЖО Д.А. Леонтьева [14]. Состоит

из 20 пунктов, образующих 5 субшкал: 1. Цели в жизни. 2. Процесс жизни или интерес и эмоциональная насыщенность жизни. 3. Результативность жизни или удовлетворенность самореализацией. 4. Локус контроля — Я (Я — хозяин жизни). 5. Локус контроля — жизнь или управляемость жизни. Также учитывается общий показатель осмысленности жизни (ОЖ).

4. Опросник COPE [7], предназначенный для выявления следующих копинг-стратегий: 1) позитивное переформулирование и личностный рост; 2) мысленный уход от проблемы; 3) концентрация на эмоциях и их активное выражение; 4) использование инструментальной социальной поддержки; 5) активное совладание; 6) отрицание; 7) обращение к религии; 8) юмор; 9) поведенческий уход от проблемы; 10) сдерживание; 11) использование эмоциональной социальной поддержки; 12) использование «успокоительных»; 13) принятие; 14) подавление конкурирующей деятельности; 15) планирование.

Статистическая обработка результатов проводилась в программе SPSS-13 for Windows с использованием описательных статистик, коэффициента ранговой корреляции г-Спирмена, критериев U-Манна—Уитни и ϕ^* -углового преобразования Фишера.

Результаты

Сравнение уровней выраженности миграционной установки (по шкале миграционных установок) у студентов 1 и 5 курсов с помощью критерия U-Манна—Уитни значимых различий не выявило.

Но, как следует из табл. 1, по мере обучения в вузе уменьшается доля студентов, имеющих миграционные намерения,

и увеличивается доля студентов, не имеющих миграционных намерений. Доля сомневающихся студентов значимо не меняется.

При помощи критерия г-Спирмена проведено изучение связей между шкалами СЖО и шкалами миграционных установок. На выборке 1 курса обнаружена единственная корреляция между шкалой «Результат» СЖО и миграционной установкой субъекта ($p=0,026$). На выборке 5 курса связей между шкалами СЖО и шкалами миграционных установок не обнаружено.

Проведено попарное сравнение результатов по шкалам СЖО у студентов с разными миграционными намерениями (табл. 2).

Результаты показали, что по сравнению с сомневающимися студентами у студентов других групп значимо выше показатели по всем шкалам СЖО, кроме шкалы «Процесс». Но в контрастных группах по миграционным намерениям имеются различия лишь по шкале «Локус контроля — Я» (показатели выше у не имеющих миграционных намерений студентов).

Аналогичные расчеты проводились на выборке студентов 5 курса, однако значимых различий не выявлено.

При помощи критерия г-Спирмена проведено исследование взаимосвязи между шкалами опросника СОРЕ и шкалами миграционных установок на разных этапах обучения. В табл. 3 приведе-

Таблица 1
Миграционные намерения студентов на разных этапах обучения

Намерение	1 курс (чел.)	%	5 курс (чел.)	%	Всего	%	ϕ^* -угловое преобразование Фишера
Имеют миграционные намерения	38	64,3	42	48,3	80	54,8	1,948*
Не имеют миграционных намерений	9	15,3	26	29,9	35	23	2,101*
Сомневаются	12	20,3	19	21,8	31	21	0,218

Примечание. * — $p \leq 0,05$.

Таблица 2
Сравнение результатов по шкалам СЖО у студентов 1 курса с разными миграционными намерениями (U-Манна—Уитни)

Шкалы методики СЖО	Сравнение не имеющих миграционных намерений и сомневающихся			Сравнение имеющих и не имеющих миграционные намерения			Сравнение имеющих миграционные намерения и сомневающихся		
	М	М	p	М	М	p	М	М	p
Цели	34,0	24,2	0,05	32,4	24,2	0,45	32,4	24,2	0,01
Процесс	33,4	26,5	0,16	29,6	26,5	0,14	29,6	26,5	0,39
Результат	27,7	22,3	0,05	25,8	22,3	0,60	25,8	22,3	0,05
Локус — Я	25,2	18,0	0,01	20,9	18,0	0,05	20,9	18,0	0,05
Локус-жизнь	33,9	26,4	0,05	31,1	26,4	0,37	31,1	26,4	0,05
ОЖ	113,3	87,5	0,01	102,5	87,5	0,19	102,5	87,5	0,05

ны выборочно шкалы, по которым были выявлены значимые связи.

На выборке студентов 1 курса корреляционной взаимосвязи не обнаружено. Но на выборке студентов 5 курса выявлены отрицательные корреляции между показателями по шкале «Юмор» методики СОРЕ и всеми шкалами миграционной установки (табл. 4). Также имеется корреляция между показателями по шкале «Использование успокоительных» и общим уровнем миграционной установки и установкой субъекта.

Попарное сравнение по шкалам СОРЕ в группах студентов 1 курса с разными миграционными намерениями не обнаружило значимых различий.

У пятикурсников получены следующие результаты. Выявлено, что по сравнению со студентами, не имеющими миграционных намерений, в группе сомневающихся значимо выше показатели по шкале «Использование успокоительных». Различия, близкие к значимым ($p=0,051$), выявлены по шкале «Использование эмоциональной социальной поддержки», при этом показатели выше у студентов, не имеющих миграционных намерений. При сравнении контрастных групп студентов 5 курса (имеющих и не имеющих

миграционные намерения) выявлены значимые различия по шкале «Юмор». Средние значения выше в группе не имеющих миграционных намерений. Также выявлены различия по шкале «Использование успокоительных», средние значения выше в группе имеющих миграционные намерения. При сравнении групп студентов 5 курса, имеющих миграционные намерения и сомневающихся, выявлены значимые различия по шкалам «Поведенческий уход от проблемы» и «Сдерживание». По обоим шкалам результаты в группе сомневающихся выше.

Обсуждение результатов

Сравнение распространенности миграционных намерений у магаданских студентов 1 и 5 курсов показало, что у студентов по мере обучения растет приверженность своему месту жительства. Однако исследование не выявило различий в выраженности миграционных установок. Это противоречие объяснимо большей сложностью структуры миграционных установок по сравнению с миграционными намерениями и их большей устойчивостью.

Таблица 3
Связь между миграционными установками и шкалами СОРЕ у студентов 1 и 5 курсов (r-Спирмена)

Шкалы СОРЕ	Уровень установки		Установка субъекта		Установка близких		Ожидания близких	
	Курс		Курс		Курс		Курс	
	1	5	1	5	1	5	1	5
Юмор	0,205	-0,369***	0,153	-0,329**	0,098	-0,318**	0,206	-0,306**
Использование «успокоительных»	-0,063	0,229*	-0,037	0,269*	-0,158	0,148	-0,064	0,157

Примечания. * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$; *** – $p \leq 0,001$.

Сравнение результатов по шкалам COPE в группе студентов 5 курса с разными миграционными намерениями

Шкалы методики COPE	Сравнение не имеющих (0) миграционных намерений и (1) сомневающихся			Сравнение имеющих (2) и не имеющих (0) миграционные намерения			Сравнение имеющих (2) миграционные намерения и (1) сомневающихся		
	М (0)	М (1)	р	М (2)	М (0)	р	М (2)	М (1)	р
Позитивное переформулирование и личностный рост	13,3	12,2	0,09	12,4	13,3	0,11	12,4	12,2	0,61
Мысленный уход от проблемы	9,5	8,8	0,53	8,5	9,5	0,18	8,5	8,8	0,77
Концентрация на эмоциях и их активное выражение	10,7	10,2	0,60	10,4	10,7	0,77	10,4	10,2	0,73
Использование инструментальной социальной поддержки	11,7	10,3	0,16	10,8	11,7	0,24	10,8	10,3	0,64
Активное совладание	12,5	12,8	0,84	12,6	12,5	0,96	12,6	12,8	0,76
Отрицание	7,4	8,0	0,45	7,3	7,4	0,81	7,3	8,0	0,35
Обращение к религии	7,0	5,8	0,35	7,4	7,0	0,74	7,4	5,8	0,15
Юмор	11,8	10,0	0,061	9,7	11,8	0,01	9,7	10,0	0,65
Поведенческий уход от проблемы	6,9	8,3	0,07	6,8	6,9	0,79	6,8	8,3	0,05
Сдерживание	9,9	11,2	0,11	9,6	9,9	0,69	9,6	11,2	0,05
Использование эмоциональной социальной поддержки	11,5	9,5	0,051	10,4	11,5	0,19	10,4	9,5	0,34
Использование «успокоительных»	4,5	6,8	0,01	6,3	4,5	0,01	6,3	6,8	0,72
Принятие	10,6	10,9	0,63	10,0	10,6	0,46	10,0	10,9	0,18
Подавление конкурирующей деятельности	10,3	10,9	0,33	10,5	10,3	0,69	10,5	10,9	0,50
Планирование	12,8	13,6	0,22	12,8	12,8	0,94	12,8	13,6	0,12

Имеется частичное подтверждение предположения о различных взаимосвязях миграционных установок и смысловых ориентаций на разных этапах обучения. На выборке студентов 1 курса обнаружена одна корреляция между шкалой «Результат» методики СЖО и миграционной установкой субъекта. То

есть студенты, более удовлетворенные своим прошлым, более настроены на переезд. Возможно, это связано с предыдущими успехами, которые повышают их уровень притязаний.

Однако результаты показали различия в смысловых ориентациях у магданских студентов 1 курса с разными

ми миграционными намерениями. В контрастных группах студентов 1 курса по миграционным намерениям выявлено лишь значимое превышение показателей по шкале «Локус контроля — Я» у студентов, не имеющих миграционных намерений (видимо, они более уверены в своих способностях контролировать события своей жизни). Но наибольшие значимые различия по многим шкалам методики СЖО выявлены при сравнении групп определившихся студентов с сомневающимися. В группе сомнеющихся студентов показатели по шкалам СЖО ниже, чем в других группах студентов. Возможно, в силу тех или иных обстоятельств у студентов снижается чувство осмысленности жизни, и они могут начать связывать жизненную неудовлетворенность с неблагоприятными условиями на своем месте жительства и предполагать, что переезд поможет изменить ситуацию. Этот результат может указывать на описанный нами ранее защитный механизм «северная рационализация» [13]. Но на выборке 5 курса такой закономерности не выявлено. Видимо, осмысленность жизни студентов 5 курса — более устойчивое и защищенное образование, которое не зависит от возможностей реализации смыслов на разных местах жительства. Таким образом, характер связи миграционных намерений и осмысленности жизни различен на разных этапах обучения.

Исследование показало различия во взаимосвязи миграционных установок и копинг-стратегий на разных этапах обучения. Если на 1 курсе эти переменные не связаны, то у студентов 5 курса обнаружены высокозначимые отрицательные корреляции между шкалой «Юмор» методики COPE и всеми шкалами миграционных установок. А также обнаружена достаточно сильная прямая связь между

шкалой «Использование успокоительных» и общим уровнем миграционной установки, а также установкой субъекта. Таким образом, связь миграционных установок и копинг-стратегий зависит от этапа обучения и характерна лишь для студентов старших курсов. Более позитивные стратегии характерны для студентов с низким уровнем миграционных установок, и наоборот.

Исследование не выявило различий в копинг-стратегиях у студентов 1 курса с разными миграционными намерениями. Но такие различия имеются у студентов 5 курса. В частности, у сомнеющихся в своих решениях студентов значимо выше результаты по шкале «Использование успокоительных», но ниже по шкале «Использование эмоциональной социальной поддержки» по сравнению с не имеющими миграционных намерений. На уровне тенденции у студентов, не имеющих миграционных намерений, выше результаты по шкале «Юмор», а в группе сомнеющихся студентов выше результаты по шкале «Поведенческий уход от проблемы».

При сравнении контрастных групп студентов 5 курса (имеющих и не имеющих миграционные намерения) выявлено, что показатели по шкале «Юмор» значимо выше в группе не имеющих миграционных намерений, а по шкале «Использование успокоительных» значимо выше в группе имеющих миграционные намерения. При сравнении групп студентов 5 курса, имеющих миграционные намерения и сомнеющихся, выявлены значимые различия по шкалам «Поведенческий уход от проблемы» и «Сдерживание». По обоим шкалам результаты в группе сомнеющихся выше.

Таким образом, были выявлены закономерности связей миграционных установок (и намерений) и копинг-стра-

тегий на разных этапах обучения. Для студентов 1 курса связи компонентов миграционных установок, миграционных намерений и копинг-стратегий не характерны. Для студентов старших курсов, не имеющих миграционных намерений (и имеющих низкие показатели всех компонентов миграционных установок), более характерна копинг-стратегия «Юмор» и «Использование эмоциональной социальной поддержки». Для студентов, имеющих миграционные намерения и сомневающихся (и имеющих более высокую степень миграционной установки), характерно «Использование успокоительных». При сравнении групп студентов 5 курса, имеющих миграционные намерения и сомневающихся, выявлены значимые различия по шкалам «Поведенческий уход от проблемы» и «Сдерживание». По обоим шкалам результаты в группе сомневающихся выше.

Итак, результаты в целом показывают, что распространенность миграционных намерений по мере обучения в вузе (и по мере личностного развития) уменьшается. Изменяется и характер связей миграционных намерений и установок с другими психологическими переменными. Если для первокурсников более характерны связи миграционных намерений и установок с различными смысло-жизненными ориентациями, то для пятикурсников они исчезают и уступают место связям с копинг-стратегиями.

Эти факты можно объяснить более активным функционированием в ранней юности процесса личностного самоопределения, который включает и территориальное. Все сделанные в юношеском возрасте долгосрочные выборы (профессии, вуза, места жительства) воспринимаются как ценностные, «смысло-жизненные», имеющие важное значение в контексте жизненного пути.

И независимо от того, какой именно сделан территориальный выбор, важен сам факт его определенности. В этом случае обнаруживаются более благоприятные показатели смысло-жизненных ориентаций и осмысленности жизни в целом. Но студенты 1 курса, которые не смогли завершить процессы самоопределения, включая территориальное, испытывают сомнения по поводу переезда, но продолжают жить в Магадане и учиться в региональном вузе, имеют некоторый дефицит осмысленности жизни.

Согласно концепции диспозиционной регуляции социального поведения личности В.А. Ядова, социальное поведение человека регулируется системой диспозиционных образований, которые «включаются» в зависимости от масштаба ситуации [20]. Но масштаб ситуации отчасти зависит от оценки субъектом. Наши результаты позволяют считать, что у студентов 1 курса миграционные намерения и установки включены в диспозиции высшего уровня, регулирующие социальное поведение и деятельность личности в наиболее значимых ситуациях ее жизни. Согласно В.А. Ядову, такие диспозиции близки к системе ценностных ориентаций личности, а целеполагание на этом уровне представляет «жизненный план». В системе ценностей выражается отношение личности к обстоятельствам жизни, в данном случае определяемым условиями миграционно-подвижного региона. Связи миграционных намерений и установок у студентов выпускного курса с копинг-стратегиями и отсутствие связей с осмысленностью жизни, по нашему мнению, указывают на определенную завершенность процессов самоопределения. То есть миграционные намерения и установки наряду с копинг-стратегиями становятся у них регуляторами поведения в масштабе отдельных

деятельностей, но не в масштабе жизненного пути, как у первокурсников.

То, что у студентов-выпускников «снижается» уровень миграционных намерений и установок в иерархической системе диспозиций личности, может означать, что студенты в определенной степени «спускаются с небес на землю», переходят от мечтаний к учету реальности. Находят свои преимущества в имеющихся условиях либо при стойком желании переехать ищут конкретные возможности и строят планы на переезд и их реализуют.

Выводы

1. Территориальное самоопределение (проявляющееся в виде миграционных намерений и установок) — процесс, тесно связанный с личностным самоопределением, имеющий психологические особенности на разных этапах обучения в вузе и личностного развития.

2. Распространенность миграционных намерений у магаданских студентов по мере обучения в вузе уменьшается.

Растет приверженность своему месту жительства, что является аргументом в пользу сохранения и федеральной поддержки регионального вуза, готовящего кадры для области с высоким миграционным оттоком населения.

3. По мере обучения в вузе изменяется уровень миграционных намерений и установок в иерархической системе регуляторов социального поведения личности. Для первокурсников более характерны связи миграционных намерений и установок со смысложизненными ориентациями, они выступают диспозициями высшего уровня, в масштабе жизненного пути. Для пятикурсников более характерны связи миграционных намерений и установок с копинг-стратегиями, они становятся регуляторами поведения в масштабе отдельных деятельностей.

4. Таким образом, миграционные намерения и установки могут выступать регуляторами социального поведения личности разного уровня — в зависимости от масштаба деятельности личности на данном этапе ее развития и в зависимости от задач, решаемых личностью.

Литература

1. *Белинская Е.П.* Совладание как социально-психологическая проблема [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2009. № 1(3). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2009n1-3/54-belinskaya3.html> (дата обращения: 03.03.2018).
2. *Битюцкая Е.В.* Современные подходы к изучению совладания с трудными жизненными ситуациями // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2011. № 1. С. 100—111.
3. *Божович Л.И.* Проблемы формирования личности: Избранные психологические труды. М.: Психолого-социальный институт; Воронеж: НПО «Модэк», 2001. 352 с.
4. *Василюк Ф.Е.* Жизненный мир и кризис: типологический анализ критических ситуаций // Психологический журнал. 1995. Т. 16. № 3. С. 90—101.
5. *Гарянян Н.Г., Иванов П.А.* Апробация опросника копинг-стратегий (COPE) // Психологическая наука и образование. 2010. № 1. С. 69—81.
6. *Голубева Н.А., Кончаловская М.М.* Территориальная идентичность и ценностные ориентации как факторы структурирования социального пространства [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2013. Т. 6. № 32. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n32/909-golubeva32.html> (дата обращения: 03.03.2018).

7. Гордеева Т.О., Осин Е.Н., Рассказова Е.А., Сычев О.А., Шевяхова В.Ю. Диагностика копинг-стратегий: адаптация опросника COPE // Психология стресса и совладающего поведения в современном российском обществе. Кострома, 2010. Т. 2. С. 195–197.
8. Карпинский К.В. Идентификационная функция смысла жизни // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 55. С. 2. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n55/1473-karpinski55.html> (дата обращения: 03.03.2018).
9. Крюкова Т.Л. Психология совладающего поведения в разные периоды жизни: Автореф. дисс. ... докт. психол. наук. М., 2005. 50 с.
10. Кузнецов И.Ю., Кузнецова С.А. Самоопределение личности на жизненном пути. Магадан: Кордис, 2003. 216 с.
11. Кузнецова С.А. Миграционные установки как предмет социально-психологических исследований // Социальная психология и общество. 2013. № 4. С. 34–46.
12. Кузнецова С.А., Кузнецов И.Ю., Фещенко А.В. Разработка шкалы миграционных установок личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Психология и педагогика. 2014. № 1. С. 83–90.
13. Кузнецова С.А., Стрелков Ю.К. Пространственно-временное структурирование жизненного пути северян // Мир психологии. 2015. № 4 (84). С. 156–167.
14. Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). 2-е изд. М.: Смысл, 2000. 18 с.
15. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 3-е изд., доп. М.: Смысл, 2007. 512 с.
16. Нартова-Бочавер С.К. Coping-behavior в системе понятий психологии личности // Психологический журнал. 1997. Т. 18, № 5. С. 20–29.
17. Радина Н.К. Город в пространстве и времени: проблемы территориальной идентичности в контексте социально-экономических изменений. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2015. 344 с.
18. Рассказова Е.И., Гордеева Т.О. Копинг-стратегии в психологии стресса: подходы, методы и перспективы [Электронный ресурс] // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2011. № 3 (17). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2011n317/493grasskazo> (дата обращения: 07.03.2018).
19. Рассказова Е.И., Гордеева Т.О., Осин Е.Н. Копинг-стратегии в структуре деятельности и саморегуляции: психометрические характеристики и возможности применения методики COPE // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 1. С. 82–118.
20. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е расширенное изд. М.: ЦСПиМ, 2013. 376 с.
21. Самошкіна И.С. Территориальная идентичность как социально-психологический феномен: Автореф. дисс. ... канд. психол. наук. М., 2008. 29 с.
22. Смирнова Н.А. Региональная идентичность в условиях современного российского общества: Автореф. дисс. ... канд. социол. наук. Волгоград, 2004. 27 с.
23. Толстых Н.Н. Хронотоп современного российского города. Рецензия на монографию Н.К. Радиной «Город в пространстве и времени: проблемы территориальной идентичности в контексте социально-экономических изменений». Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2015. 344 с. // Социальная психология и общество. 2016. Том 7. № 4. С. 147–152. DOI:10.17759/sps.2016070410
24. Шати́ро И.В. Право на территориальное самоопределение как элемент конституционного статуса человека и гражданина в Российской Федерации: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2008. 29 с.
25. Шматко Н.А., Качанов Ю.Л. Территориальная идентичность как предмет социологического исследования // Социологические исследования. 1998. № 4. С. 94–98.
26. Хачатурова М.Р. Совладающий репертуар личности: обзор зарубежных исследований // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2013. Т. 10. № 3. С. 160–169.
27. Lasarus R., Folkman S. Stress, appraisal and coping. New York: Springer, 1984. P. 456.

28. Lazarus R.S., Folkman S. Manual for Ways of Coping Questionnaire. Palo Alto, CA: Consulting Psychologists Press, 1988. 33 p.
29. Zanna M.P., Rempel J.K. Attitudes: A New Look at an Old Concept / In Bar-Tal D., Kruglanski A.W. (eds.) // *The Social Psychology of Knowledge*. UK, Cambridge: Cambridge University Press, 1988. P. 315–334.

References

1. Belinskaya E.P. Sovladanie kak sotsial'no-psikhologicheskaya problema [Elektronnyi resurs] [Coping as social-cultural problem]. *Psikhologicheskie Issledovaniya = Psychological Studies*, 2009. Vol. 1, no. 3. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2009n1-3/54-belinskaya3.html> (Accessed 03.03.2018). (In Russ.).
2. Bityutskaya E.V. Sovremennye podkhody k izucheniyu sovladaniya s trudnymi zhiznennymi situatsiyami [Modern approaches to the research of coping with the difficult life situations]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya = The Moscow University Herald. Series 14. Psychology*, 2011, no. 1, pp. 100–111. (In Russ.).
3. Bozhovich L.I. Problemy formirovaniya lichnosti: Izbrannye psikhologicheskie trudy [Problems of personality formation: Selected psychological works]. Moscow: Publ. Psikhologo-sotsial'nyi institut; Voronezh: Publ. NPO "Modek", 2001. 352 p. (In Russ.).
4. Vasilyuk F.E. Zhiznennyi mir i krizis: tipologicheskii analiz kriticheskikh situatsii [Life World and Crisis: Typological Analysis of Critical Situations]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 1995. Vol. 16, no. 3, pp. 90–101. (In Russ.).
5. Garanyan N.G., Ivanov P.A. Aprobatsiya oprosnika koping-strategii (COPE) [Validation of the Coping Strategies Questionnaire COPE]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie = Psychological Science and Education*, 2010, no. 1, pp. 82–93. (In Russ.).
6. Golubeva N.A., Konchalovskaya M.M. Territorial'naya identichnost' i tsennostnye orientatsii kak faktory strukturirovaniya sotsial'nogo prostranstva [Elektronnyi resurs] [Territorial identity and values as factors of structuring social space]. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Studies*, 2013. Vol. 6, no. 32. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2013v6n32/909-golubeva32.html> (Accessed 03.03.2018). (In Russ.).
7. Gordeeva T.O., Osin E.N., Rasskazova E.A., Sychev O.A., Shevyakhova V.Yu. Diagnostika koping-strategii: adaptatsiya oprosnika COPE [Diagnosis of coping strategies: adaptation of the COPE questionnaire]. *Psikhologiya stressa i sovladayushchego povedeniya v sovremennoy rossiiskoy obshchestve = Psychology of stress and coping behavior in modern Russian society*. Kostroma, 2010. Vol. 2, pp. 195–197. (In Russ.).
8. Karpinskii K.V. Identifikatsionnaya funktsiya smysla zhizni [Elektronnyi resurs] [The Identity-forming function of meaning in life]. *Psikhologicheskie issledovaniya = Psychological Studies*, 2017. Vol. 10, no. 55, p. 2. Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n55/1473-karpinki55.html> (Accessed 03.03.2018). (In Russ.).
9. Kryukova T.L. Psikhologiya sovladayushchego povedeniya v raznye periody zhizni. Avtoref. diss. dokt. psikhol. nauk. [Psychology of coping behavior in different periods of life. Dr. Sci. (Psychology) Thesis]. Moscow, 2005. 50 p. (In Russ.).
10. Kuznetsov I.Yu., Kuznetsova S.A. Samoopredelenie lichnosti na zhiznennom puti [Self-determination of the person on the life path]. Magadan: Publ. Kordis, 2003. 216 p. (In Russ.).
11. Kuznetsova S.A. Migratsionnye ustanovki kak predmet sotsial'no-psikhologicheskikh issledovaniy [Migration Attitudes as the Subject of Social Psychological Research]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2013, no. 4, pp. 34–46. (In Russ.).
12. Kuznetsova S.A., Kuznetsov I.U., Feschenko A.V. Razrabotka shkaly migratsionnykh ustanovok lichnosti [Working out Migratory Attitudes Scale of Personality]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Psikhologiya i pedagogika = RUDN Journal of Psychology and Pedagogics*, 2014, no. 1, pp. 83–90. (In Russ.).

13. Kuznetsova S.A., Strelkov Yu.K. Prostranstvenno-vremennoe strukturirovanie zhiznennogo puti severyan [Northerners' way of life space-temporal structuring]. *Mir psikhologii = World of psychology*, 2015. Vol. 4, no. 84, pp. 156–167. (In Russ.).
14. Leontyev D.A. Test smyslozhiznennykh oriyentatsii (SZhO) [Life-Meaning Orientation Test (LSS)]. 2-e izd. Moscow: Smysl, 2000. 18 p. (In Russ.).
15. Leont'ev D.A. Psikhologiya smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoi real'nosti [Psychology of meaning: nature, structure and dynamics of the semantic reality]. Moscow: Publ. Smysl, 2007. 512 p. (In Russ.).
16. Nartova-Bochaver S.K. Coping-behavior v sisteme ponyatii psikhologii lichnosti [Coping-behavior in the system of concepts of the psychology of personality]. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*, 1997. Vol. 18, no. 5, pp. 20–29. (In Russ.).
17. Radina N.K. Gorod v prostranstve i vremeni: problemy territorial'noi identichnosti v kontekste sotsial'no-ekonomicheskikh izmenenii [City in space and time: the problems of territorial identity in the context of socio-economic changes]. Nizhnii Novgorod: Publ. DEKOM, 2015. 344 p. (In Russ.).
18. Rasskazova E.I., Gordeeva T.O. Koping-strategii v psikhologii stressa: podkhody, metody i perspektivy [Elektronnyi resurs] [Coping strategies in the psychology of stress: approaches, methods, perspectives]. *Psikhologicheskie Issledovaniya = Psychological Studies*, 2011. Vol. 3, no. 17. Available at: <http://psystudy.ru> (Accessed 07.03.2018). (In Russ.).
19. Rasskazova E.I., Gordeeva T.O., Osin E.N. Koping-strategii v strukture deyatelnosti i samoregulyatsii: psikhometricheskie kharakteristiki i vozmozhnosti primeneniya metodiki COPE [Coping Strategies in the Structure of Activity and SelfRegulation: Psychometric Properties and Applications of the COPE Inventory]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Psychology the Journal of the Higher School of the Economics*, 2013. Vol. 10, no. 1, pp. 82–118. (In Russ.).
20. Samoregulyatsiya i prognozirovanie sotsial'nogo povedeniya lichnosti: Dispozitsionnaya kontseptsiya [Self-regulation and prediction of social behavior of the individual: Dispositional concept]. 2-e rasshirennoe izd. Moscow: Publ. TsSPiM, 2013. 376 p. (In Russ.).
21. Samoshkina I.S. Territorial'naya identichnost' kak sotsial'no-psikhologicheskii fenomen. Avtoref. diss. kand. psikhol. nauk. [Territorial identity as a socio-psychological phenomenon. PhD (Psychology) Thesis]. Moscow, 2008. 29 p. (In Russ.).
22. Smirnova N.A. Regional'naya identichnost' v usloviyakh sovremennogo rossiiskogo obshchestva. Avtoref. diss. kand. sotsiol. nauk. [Regional identity in the context of modern Russian society. PhD (Sociology) Thesis]. Volgograd, 2004. 27 p. (In Russ.).
23. Tolstykh N.N. Khronotop sovremennogo rossiiskogo goroda. Retsenziya na monografiyu N.K. Radinoy «Gorod v prostranstve i vremeni: problemy territorial'noi identichnosti v kontekste sotsial'no-ekonomicheskikh izmenenii» [Chronotope of the modern Russian city. Review of the monography of N.K. Radina “The city over space and time: the problem of the territorial identity in the context of socio-economic change”. Nizhnii Novgorod: Publ. DEKOM, 2015. 344 p.]. *Sotsial'naya psikhologiya i obshchestvo = Social Psychology and Society*, 2016. Vol. 7, no. 4, pp. 147–152. DOI:10.17759/sps.2016070410 (In Russ.).
24. Shapiro I.V. Pravo na territorial'noe samoopredelenie kak element konstitutsionnogo statusa cheloveka i grazhdanina v Rossiiskoi Federatsii. Avtoref. diss. kand. yuridich. nauk. [The right to territorial self-determination as an element of the constitutional status of a person and citizen in the Russian Federation. PhD (legal science) Thesis]. Rostov-na-Donu, 2008. 29 p. (In Russ.).
25. Shmatko N.A., Kachanov Yu.L. Territorial'naya identichnost' kak predmet sotsiologicheskogo issledovaniya [Territorial identity as a subject of sociological research]. *Sotsiologicheskie Issledovaniia = Sociological Studies*, 1998, no. 4, pp. 94–98. (In Russ.).
26. Khachaturova M.R. Sovladayushchii repertuar lichnosti: obzor zarubezhnykh issledovaniy [Coping Repertoire of Personality: A Review]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki = Psychology. Journal of the Higher School of the Economics*, 2013. Vol. 10, no. 3, pp. 160–169. (In Russ.).

27. Lazarus R., Folkman S. Stress, appraisal and coping. New York: Publ. Springer, 1984. 456 p.
28. Lazarus R.S., Folkman S. Manual for Ways of Coping Questionnaire. Palo Alto, CA: Publ. Consulting Psychologists Press, 1988. 33 p.
29. Zanna M.P. and Rempel J.K. Attitudes: A New Look at an Old Concept. In Bar-Tal D. and Kruglanski A.W. (eds.). The Social Psychology of Knowledge. UK, Cambridge: Cambridge University Press, 1988, pp. 315–334.

Информация об авторах

Кузнецова Снежана Анатольевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психотерапии и психологического консультирования, НОЧУ ВО «Московский институт психоанализа», г. Москва, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2327-9775>, e-mail: snejana.mgdn@mail.ru

Information about the authors

Snezhana A. Kuznetsova, PhD in Psychology, Associate Professor of the Department of Psychotherapy and Psychological Counseling, «Moscow Institute of psychoanalysis», Moscow, Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2327-9775>, e-mail: snejana.mgdn@mail.ru

Получена 16.02.2020

Received 16.02.2020

Принята в печать 14.10.2020

Accepted 14.10.2020